

Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Очерки истории духовной культуры народов Центрального и Западного Дагестана. XIX — начало XX в. Махачкала, 2004.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XVIII — начале XX в. Л., 1988.

Булатова А.Г. Рутульцы в XIX — начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 2003.

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985.

А.А. Магомедова

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА ДАГЕСТАНЦА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Исторически на формирование менталитета дагестанцев большое влияние оказали географический ландшафт Кавказа и дефиле религиозных верований. На территории Дагестана проповедовали христианские миссионеры: влияние католичества, православия, монофизитства, а также христианских ересей было значительно. Христианские миссионеры проповедовали здесь вплоть до XV в. и имели адептов христианской религии [Ханбабаев а; б]. Средневековые источники содержат сведения о бытовании зороастризма и описание обычаев последователей маздеизма на территории Зирехгерана (территория селения Кубачи) и Дербента [Мамаев]. В Дагестан были сосланы иудеи Рима и Персии, которые принесли с собой еще одну мировую религию — иудаизм [Курбанов]. Арабы, сельджуки, а затем монголы приняли активное участие в освоении этого лакомого, с точки зрения геополитики, кусочка, выступая проводниками ислама.

Несмотря на то что Дагестан был подвергнут тотальной и длительной исламизации [Шихсаидов 2001], на его территории сохранились островки христианской и иудейской веры. Более того, сохранились вкрапления языческих верований. Оставаясь важной геополитической единицей, Дагестан подвергался разным политическим, идеологическим и религиозным веяниям, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В этот исторический период

большевики повторили эскападу Тимура: на этапе становления советской власти они поддержали духовенство, а по мере осознания завоеванного началось преследование верующих и насаждение атеизма. Вера ушла в подполье, люди официально позиционировались атеистами, вели относительно светский образ жизни, признавая новые ценности, но втайне соблюдали ислам. Это вызвало консервирование религиозной мысли и, как следствие, вульгаризацию осмысления и упрощенное понимание ислама. Повсеместно наблюдаемое явление: имамы в подтверждение своих речей ссылаются на Коран, даже не подозревая, что высказанное ими прямо противоречит Священной книге, или приписывают Пророку Мухаммеду речи и поступки, противоречащие Сунне. В частности, эту тему поднимает портал islam.ru: «Народно-начетнический» ислам отталкивает мыслящих и интеллектуально развитых людей», «Апологеты от ислама настойчиво стремятся смешивать ислам с народными суевериями, сказками, приметами, трактуя слабо понимаемые ими Коран и Сунну в примитивно-буквалистском ключе» [www.islamcenter.su].

Внутри конфессий наблюдается конфликт между сторонниками соблюдения традиционно установленных норм и сторонниками приведения вероучения в соответствие с изменившимися условиями жизни и достижениями технического прогресса.

Ситуацию усугубляет жесткий конфликт между традиционалистами и суфиями, с одной стороны, и экстремистами — с другой. В итоге население с недоверием относится к религиозным деятелям и переносит свое недоверие на религиозное учение в целом. Вакуум недоверия вызывает отторжение и дальнейший поиск, отсюда такое количество разнообразных религиозных организаций в современном Дагестане, отсюда такой всплеск миссионерства в этом регионе.

В наше время в структурировании менталитета дагестанцев существенную роль играет вынужденная миграция в поисках заработка. Исторически известно отходничество дагестанских ремесленников. Современные реалии демонстрируют картину большого континентального транзита, так называемого «западного дрейфа», — процесса, противоположного колонизации, которой

была создана великая империя. «Западный дрейф» собственной постимперской периферии, Центральной Азии, республик Закавказья и Северного Кавказа сопровождается конфликтом притяжения или отталкивания человека с имперских окраин. Мощный иммиграционный поток разбавляет местное население и провоцирует проблему вызова ценностям и культуре принимающей стороны. Проблема обусловлена другой идентичностью мигрантов, которая начинает разъедать социальные структуры принимающего сообщества.

Рост экстремизма и этнической неприязни выражается не только в муссировании этой темы в СМИ, но и в проявлениях в повседневной жизни. Ксенофобия опережает противостояние ксенофобии. Более того, ксенофобический дискурс и ксенофобическая проблематика востребованы и доминируют. Ксенофобические настроения носят не только антисемитский характер, они приобрели привкус кавказофобии и этнической неприязни в целом к «лицам неславянской внешности». Ксенофобия в современном обществе представлена не только как неприятие «Другого», но и как культивирование противостояния «Мы» и «Они». Более того, усиление этнической неприязни происходит на фоне подавления милосердия. И в этом смысле мы повторяем историю Германии первой половины XX в.: внедрение идеологии национал-социализма началось с подавления милосердия [Райх].

На неприятие чужаков накладывается исламофобия. Кавказцы, исповедующие ислам, находятся в группе риска. Они подвергаются насилию, как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны неонацистских группировок. Исламофобия имеет несколько корней.

М. Шевченко, ведущий Первого канала и член Общественной палаты, считает, что рост исламофобии в России и нарушения прав мусульман связаны с процессами, происходящими в мире. Он обращает внимание на неутрачивающийся ближневосточный конфликт и заявляет, что Израилем «готовится большая война», направленная в первую очередь против Палестины, Ирана и Ливана. В преддверии этого израильское лобби по всему миру проводит акции по демонизации мусульман [www.islamcenter.su].

Политолог А. Мухаметтов считает, что в основе исламофобии лежит отношение российской власти к мусульманской *умме* (общине верующих) в целом. Российская власть не имеет внятной стратегии по отношению к конфессиям, кроме православия. Она не заинтересована в понимании и выстраивании диалога. Такое отношение построено, с одной стороны, на незнании, а с другой — на нежелании знать, что такое ислам, в чем особенности менталитета того или другого этноса. Отсюда вытекают три стратегии российской власти по отношению к мусульманам: адаптации, растворения и сдерживания.

Стратегия адаптации предполагает отказ от исламофобии и полную интеграцию мусульман в ткань российской действительности. Стратегия растворения предполагает выдавливание последователей ислама на периферию общественной жизни; стратегия сдерживания направлена на консервацию и откладывание решения вопроса на максимально долгий срок [www.islam-center.su].

Выше перечислены три основные проблемы, оказывающие существенное влияние на идентификацию, а следовательно, на реструктуризацию картины мира дагестанца: ксенофобия, вызванная вынужденной миграцией; исламофобия, вызванная идеологической борьбой исламофобов и невнятной политикой государства; оторванность от родины, обусловленная опять же миграционным процессом. Пресс действительности оказывает существенное влияние, и картина мира подвергается изменению.

Переосмысление этнической картины мира выражается в трех адаптационно-ценностных моделях: мимикрии, новаторстве и консерватизме. Мимикрия носит подражательный характер исключительно внешней трансформации. Бывшие партийные деятели, идеологи атеизма взяли на вооружение адаты и исламскую идеологию только ради того, чтобы удержать власть. Консерваторы предпочитают не менять своих убеждений и стремятся сохранить ядро культуры. Новаторы стремятся к преобразованиям, ищут новые подходы и механизмы, которые дали бы адекватные ответы на поставленные историей вопросы.

Инновационная мысль движется в двух направлениях: религиозного обновления и профессиональной социализации. Выбрав

шие первый путь стремятся получить богословское образование. В зависимости от полученного образования (точнее, в зависимости от идеологической направленности образовательного учреждения) мы имеем лиц с серьезным классическим теологическим образованием и радикалистов. Понятно, что деятельность первых носила бы просветительский характер, направленный на мягкую реформу общества. Действия радикалистов широко освещены средствами массовой информации и сродни действиям террористических групп.

Но есть представители кавказского этноса, которые видят возможность переломить негативную тенденцию через формирование цивилизации профессионалов новой формации — транспрофессионалов [Малиновский]. Эта часть этноса стремится получить качественное образование в лучших вузах страны и за рубежом. Они видят свою миссию в формировании нового уровня сознания, а, следовательно, новой формации, способной адекватно реагировать на вызовы истории.

В то же время следует отметить, что существуют незыблемые структуры, которые для кавказца изначально являются фундаментальными: дом, семья, отношение к матери, разделение мужского и женского. Дом выступает как ритуальное пространство, генерирующее ритуалы повседневной жизни, религиозные ритуалы и собственно ритуалы семьи. Подсознательное стремление иметь дом, более того — построить дом на родине, присуще всем выходцам из Дагестана. Это существенный момент самоидентификации. Дом понимается как «нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем» [Шютц 1995: 139]. Дом как семья обеспечивает сбережение и трансляцию опыта предшествующих поколений, обычаев, традиций; дом как жилище предполагает надежность, комфортность, обустроенность, упорядоченность повседневной жизни. Жизненный мир дома, воспроизводя атмосферу безопасности, организованности, уюта, родового единства, принадлежности к определенному этносу, рождает особое экзистенциальное переживание — ощущение защищенности, порядка, общности.

Недаром М. Хайдеггер рассматривает бытие-дома и бытие-к-смыслу как важнейшие модусы человеческой субъективности, как

основы сознания, противостоящие деструктивным потенциям сознательного. Дом — фундаментальный архетип этноса, ценность которого еще больше возрастает именно в кризисное время, как антитеза неустроенности, оторванности от корней. Отсутствие же дома предстает как вечное изгнание, или как неприкаянность, или как пролонгированная инфантильность. Хайдеггер характеризует бытие человека в мире термином «Unheimlichkeit», в буквальном переводе — «без-домное», «бес-приютное». В основании же этого феномена лежит «das Un-zuhause» [Хайдеггер 1997].

Стремление к идентификации приводит к утрате и даже рафинированию обычаев и традиций. Несмотря на динамично меняющийся мир, мужская часть этноса продолжает настаивать на традиционном понимании роли места женщины в социуме, руководствуясь консервативным подходом: бытийствование женщины должно заключаться в освоении и интерпретации символического поля повседневности.

В традиционном обществе разделенность на мужское и женское пространство объяснимо разной динамикой повседневности и различной встроенностью в повседневность. Традиционное общество наделяло мужчин и женщин разными функциональными ролями, необходимыми для сохранения социума: мужчине отводилась роль добытчика, охотника, разведчика и покорителя новых земель; женщине — хранительницы очага, а точнее хранительницы традиции. И несмотря на то что ситуация радикально изменилась, мужчины настаивают именно на таком распределении ролей. Разделение мужского и женского остается безусловным в части дозволенного и недозволенного с точки зрения адата и родовой чести.

Вдали от родины формируется специфический образ кавказца: манера одеваться и стиль поведения (особенно по отношению к женщинам). Кавказцы, как и французы, озабочены культивированием и сохранением мифа о своей любвеобильности, отчасти подтверждая статус охотников и завоевателей. Интрига заключается в том, чтобы одержать как можно больше побед. «Трофеи» обеспечивают уважение остальных членов мужского клуба. Определенный стиль поведения и манера одеваться маркируют внутреннее видение собственной значимости и позволяют иден-

тифицировать себя. Кавказца в толпе выдают всегда отглаженные брюки, начищенные туфли, фатоватость и взгляд — взгляд охотника. Можно сказать, что перед нами феномен дендизма, такого кавказского дендизма.

Миграция и высокий уровень запросов задают также и девиантные модели поведения, дополняющие идиллическую картину всплесками криминогенных тенденций, которые сводятся к знаменитому тезису Шарикова «отобрать и поделить». Мошенничество оправдывается более разветвленной структурой сознания, высоким уровнем запросов, а также негативным отношением местного населения. Ксенофобия вызывает ответную реакцию, негативную, преступную. Отсюда наполнение стереотипов и автостереотипов новым содержанием, рационализирующим неблагоприятные и нелегитимные поступки. Понятие «чести», «достоинства» вытесняются понятием куша, выгоды.

Менталитет этноса, подвергаясь влияниям извне, проверяется на гибкость и выживаемость этноса. Вызовы реальности запускают механизм переструктурирования, и картина мира начинает меняться. Понятно, что внутри этноса сосуществуют две силы: группы, стремящиеся сохранить неизменной картину мира и иерархию этнических и ценностных констант, и группы, вырабатывающие альтернативные модели. Давление извне провоцирует сомнение в устоявшейся картине мира, и возникает соблазн ее редакции или радикальной трансформации. Каждый этнос ставит на карту собственную идентичность, выбирая ту или иную модель реагирования на вызовы истории.

Артикулированность этнической неприязни эксплицирует степень ответственности и проблему идентификации. Она предопределяет ответственность быть человеком, ответственность за усилие быть личностью. Понятно, что ответственность за самосуществление предполагает тревогу за истинность выбранного пути и поиск путей самореализации. Ответственность за самореализацию выражается в способности отойти от предложенного, а точнее навязываемого социумом опыта, выражается в преодолении природы предрассудков. В этом смысле ксенофобия и исламофобия отражают глубинный страх социума в целом и отде-

льных личностей перед взятием ответственности за состоявшееся и сбывшееся. Движимый интенцией страха ищет в «Другом» виноватого, жертву искупления своих упущений, своей безответственности. И чем выше степень нереализованности и отсутствия жизнотворчества, тем сильнее внутреннее стремление найти виноватого, тем выше уровень фобий в социуме.

Правомерно встает вопрос о формировании некоей геокультурной идентичности, которая позволила бы многообразию этнокультурных и конфессиональных идентичностей быть включенными в позволила бы конвергировать имеющиеся идентичности и снять кризис сознания россиян.

Библиография

Курбанов Г. Исторические и современные аспекты иудаизма в Дагестане // http://www.gorskie.ru/ist_aspekt.htm

Малиновский П. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // <http://rusrev.org/content/review.143>

Мамаев М.М. Зороастризм в средневековом Дагестане // <http://dhis.dgu.ru/relig11.htm>

Райх В. Психология масс и фашизм // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Reih/_index.php

Ханбабаев К.М. (а) Христианство в Дагестане в IV–XVIII вв. // http://www.ippk.rsu.ru/csrp/elibrary/elibrary/uro/v20/a20_21.htm

Ханбабаев К.М. (б) Религиозный фактор в федеральной политике в Дагестане // www.valerytishkov.ru

Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.

Шютц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.

<http://www.islamcenter.su/m/articles/view>